

ПУРПУР И ЗОЛОТО ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

Н. В. ПОЛОСЬМАК

Костюм всадника.
По материалам
погребения
в кургане 3
могильника
Верх-Кальджин-2.
Реконструкция
Д. Позднякова;
приведена в монографии
Н. Полосьмак, Л. Барковой
«Костюм и текстиль пазырыкцев
Алтая (IV—III вв. до н. э.)»

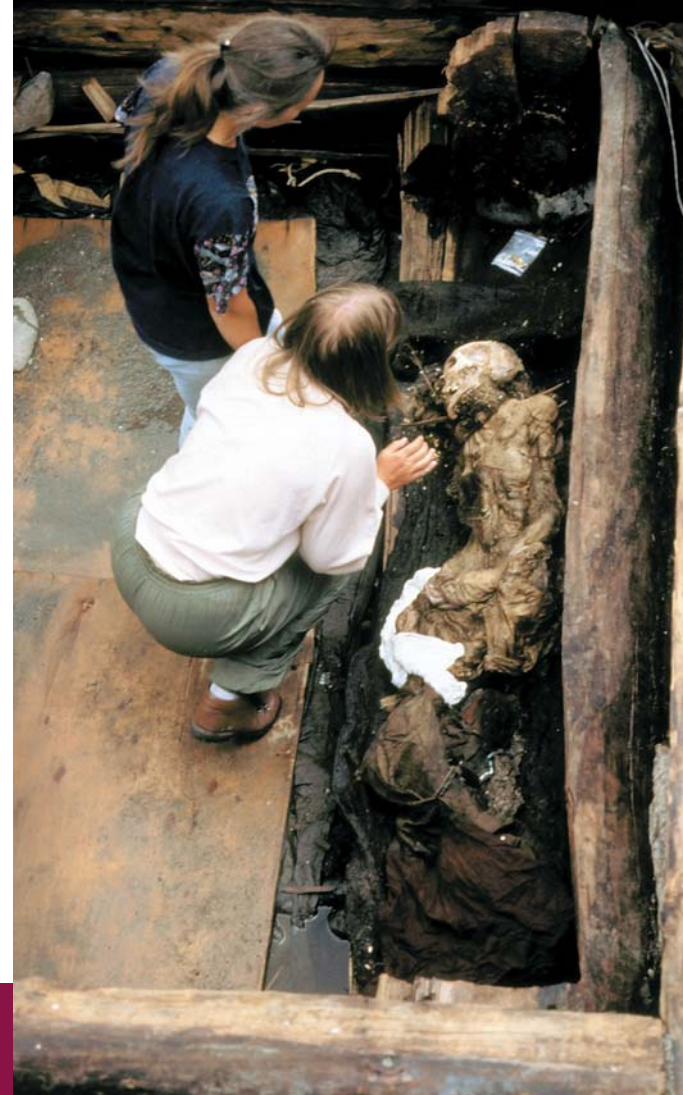

ПОЛОСЬМАК Наталья Викторовна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск). Занимается археологическими исследованиями в Западной и Восточной Сибири. Особую известность среди них получило открытие пазырыкских курганов с «замерзшими» могилами на плато Укок (Горный Алтай)

Фото сделано в Тегеране (Иран) на Генеральной ассамблее Ассоциации Академий наук Азии, 2003 г.

Первые курганы с «замерзшими» могилами были открыты в 1865 г. В. В. Радловым (Катандинский курган и курган в могильнике пазырыкской культуры Берель, Казахстан). Тогда впервые была обнаружена сохранившаяся во льду одежда. Одна из наиболее замечательных находок — т. н. *катандинский кафтан*. В настоящее время выставлен в Государственном историческом музее (Москва). Там же хранится и другая уникальная вещь из этого кургана, названная фракком за сходство фасона, сшитая из меха соболя и крытая китайским шелком

Археологи имеют дело главным образом с нетленными вещами, так как огромная часть древней материальной культуры, созданная из органических материалов, пропадает бесследно. Среди потерянного навсегда — то, что когда-то было «второй кожей» человека — его одежда. Поэтому, когда находят чудом сохранившиеся костюмы, — это становится настоящим открытием. Так случилось в «замерзших» могилах Горного Алтая, принадлежащих древней культуре (IV—III вв. до н. э.), получившей название пазырыкская (по месту расположения одного из самых ярких памятников — курганов в урочище Пазырык на Улаганском нагорье, исследованных в 30-е и 60-е годы прошлого века).

Погребение женщины: в колоде, заполненной льдом, сохранилось мумифицированное тело. Плато Укок (Горный Алтай). Курган 1, могильник Ак-Алаха-3

И вот в 1990—1995 гг. на плато Укок (Кош-Агачский район республики Алтай) впервые за время изучения пазырыкской культуры (т. е. более чем за 130 лет) были открыты и исследованы курганы знати и рядовых пазырыкцев, чьи могилы не были потревожены и оказались «замерзшими» (т. е. заполненными льдом). Настоящим открытием и одним из самых больших впечатлений стали нетленные тела, облаченные в одеяния далекой эпохи. Но последовавшее затем более чем десятилетнее исследование пазырыкского костюма привело к еще более интересным результатам, чем факт самих находок.

Археологи в основном имеют дело с фрагментами изделий, часто восстанавливая по остаткам украшений, едва заметным следам от одежды весь костюм. Насколько эти реконструкции соответствуют действительности, можно узнать только тогда, когда появляются находки реальных вещей

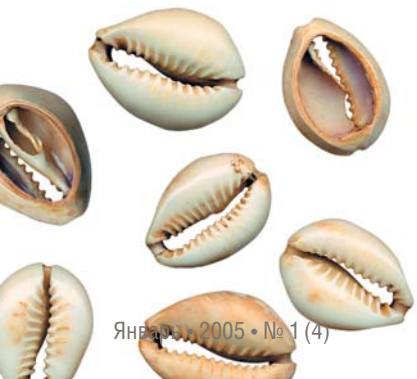
ВМЕСТИЛИЩЕ ДУШИ — И ЗА ЗЕМНЮЮ ГРАНЬЮ...

Изгибы
р. Ак-Алаха
(плато Укок)

Во всех культурах существует особое отношение к одежде, как к вместилищу души человека. Все, что человек носит на себе, является частью его самого и при жизни, и после смерти. Это одно из наиболее стойких представлений, которое в виде некоторых суеверий, связанных с одеждой, существует и в современной культуре. Исследуя древнюю одежду, мы тесно соприкасаемся с вещами, в которых «живет» душа их хозяев. В костюме сохраняется дух времени, цвет и запах исчезнувшей культуры, зримое воплощение ушедших в небытие людей. В фасоне той или иной детали одежды, в выборе материала для ее изготовления, в ее цвете и веществах, использованных для окрашивания, предстает эпоха с ее достижениями, знаниями, опытом, географическими открытиями, освоенными природными богатствами и культурным обменом, связями, ценностями, предпочтениями и предрасположениями. Мы изучаем костюм, но ищем в нем человека далекого прошлого.

Раскопки больших «царских» курганов в 60-е годы прошлого века (Пазырыкских, Башадарских, Туэктинских) в Горном Алтае дали уникальный археологический материал, но одежды в нем было не много. Все эти курганы потревожены еще в древности, одежда с тел погребенных сорвана, многое пропало, многое повреждено настолько, что не поддавалось атрибуции. Тем не менее, великолепные остатки костюма пазырыкцев — скотоводческого населения горных долин Алтая — были тщательно изучены, и в литературе сложилось довольно устойчивое мнение о том, что он собой представлял (Руденко, 1953, Яценко, 1999).

Раковины каури из погребения женщины в кургане 1 могильника Ак-Алаха-1. Музей Института археологии и этнографии СО РАН

Каждая культура имеет свой запах. Над пазырыкской культурой витает слабый запах **конопли**, семена которой обнаружены в «царских» могилах, упакованные в кожаную орнаментированную флягу и насыпанные на потрескавшиеся закопченные камни, лежащие внутри бронзового котелка. Пазырыкцы имели привычку вдыхать пары конопли, имеющие слабый наркотический эффект. Судя по тем вещам, которые были обнаружены во всех царских могилах, это происходило так, как описывал Геродот: «Взяв конопляное семя, скифы подлезают под войлочную юрту и затем бросают его на раскаленные камни. От этого поднимается такой сильный пар и дым, что никакая эллинская баня не сравнится с такой баней. Наслаждаясь ею, скифы громко вопят от удовольствия» (Геродот, IV, 75). Эта страсть оказалась пагубной для тех из них, кто дышал паром конопли над бронзовым котелком (как это было зафиксировано во втором Пазырыкском кургане): их организм постепенно был отравлен вдыхаемыми парами, в которых содержались соединения меди (Полосьяк, Трунова, 2004). Другим запахом культуры может быть назван запах **кориандра**, семена которого

использовались как благовония — они найдены не только в мешочках, но и частично на каменном блюдецке, стоявшем в изголовье погребенной в кургане 1 могильника Ак-Алаха-3 женщины. Возможно, пряный запах был призван заглушать запах тления, был прямым и наиболее быстрым посланием божеству, к которому отправлялся умерший, запах, приятный богам. О том, что в пазырыкской культуре придавали большое значение ароматам, свидетельствует набивка душистым растением войлочной подушки, обнаруженной под головой мужчины, погребенного в кургане 1 могильника Верх-Кальджин-2. Еще один запах — сильнейший ментоловый аромат **зизифоры** сопровождал пазырыкцев в их пути на «небесные пастбища».

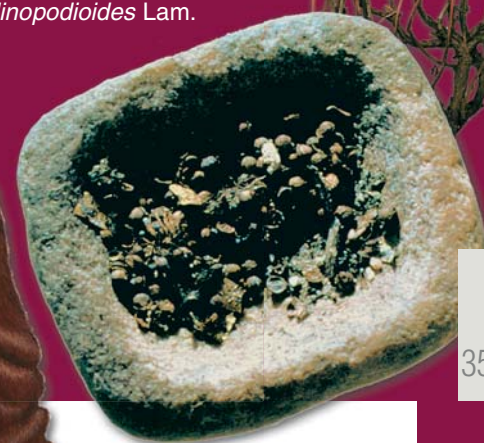
Все растительные остатки из Пазырыкских погребений Укока были идентифицированы в лаборатории Гербария Центрального сибирского ботанического сада СО РАН к. б. н. Е. Королюк и к. б. н. И. Артемьевым, кориандр идентифицирован М. Ломоносовой.

Зизифора пахучковидная *Ziziphora L. clinopodioides Lam.*

Конопля *Canabis sativa L.*

Костюм женщины. Второй Пазырыкский курган. Реконструкция Д. Позднякова по материалам, хранящимся в Эрмитаже, — из книги Н. Полосьяк, Л. Барковой «Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV—III вв. до н. э.)»

Каменное блюдецке, наполненное обугленными семенами кориандра. Курган 1, могильник Ак-Алаха-3. Музей ИАЭТ СО РАН

В пазырыкских погребениях Укока одежда представлена целыми вещами, которые носились при жизни в комплекте, — как это бывает при сборе этнографического материала. Только, в отличие от этнографических коллекций, ушли в иной мир люди, которые могли бы рассказать о том, что мы видим, объяснить — чего не понимаем.

Более двух тысяч лет назад, вероятно, в один год (как установлено с помощью дендрохронологического метода) на Укоке были похоронены молодые мужчина и женщина европеоидного типа (20–25 и 28–30 лет), чьи тела, одежда и вся сопровождающая погребальная утварь, а также кони сохранились в древнем льду. Это были два разных погребения, в разных могильниках, принадлежащих к одной культуре: женщина похоронена в могильнике Ак-Алаха-3 (курган 1), расположенном в долине одноименной реки, а мужчина — в могильнике Верх-Кальджин-2 (курган 3), название которого также происходит от небольшой реки, на правом берегу которой он сооружен.

Есть все основания назвать мужской костюм пазырыкцев костюмом всадника. И, пожалуй, именно в курганах Горного Алтая был найден один из самых древних его комплектов, и в нем, прежде всего, штаны — неотъемлемая часть одежды евразийских воинов — всадников и скотоводов. Напомним, что, как ни привычна нам эта часть одежды, в те времена штаны носили далеко не все «цивилизованные» народы. Так, в отличие, например, от персов, ни греки, ни римляне штанов не признавали и, более того, считали их ношение варварской традицией, для себя неприемлемой.

Мужские шерстяные штаны из кургана 3 могильника Верх-Кальджин-2, на них хорошо видны заплата и штопка.
Музей ИАЭТ СО РАН

Пазырыкский всадник. Курган 1 могильника Верх-Кальджин-2. Реконструкция Д. Позднякова

а — войлочный горит (чехол для лука) из кургана 3 могильника Верх-Кальджин-2.
Музей ИАЭТ СО РАН;
б — реконструкция
Д. Позднякова

Племена **ди** в период Чжаньго (481—221 гг. до н. э.) проживали в районе современной Сычуани, вели оседлый земледельческий образ жизни. **Ху** — обычное в ханьское время общее название «северных варваров» — всех некитайских племен и народов, проживавших к северу от границ Китая. Среди главных «варварских» народов севера были **сюнну**

О таких штанах, какие были обнаружены на мужчине из могильника Верх-Кальджин-2, в IV в. до н. э. разгорелся спор в Поднебесной, подробности которого запечатлены в «Ши цзи» — записках древнекитайского историка Сыма Цяня. Улин-ван, правитель княжества Чжао, обеспокоенный постоянной угрозой, исходящей от соседних племен, а также движимый желанием «открыть пути в земли ху и ди», решил ввести у себя в княжестве варварские одежды, более подходящие для всадника и воина, нежели традиционный китайский костюм. Он считал, что «одежда, инвентарь, оружие — все должно быть удобным для пользования» (Сыма Цянь, 1992). Но двор был оскорблен таким нововведением. Улин-вана обвиняли в том, что он «изменяет древним поучениям, меняет путь древности, идет против устремлений людей, огорчая ученых мужей, отдаляясь от традиций срединных царств» (там же). Улин-ван стоял на своем, полагая, что «если с помощью древности устраивать сегодняшний день, не проникать в изменчивость дел, если следовать только деяниям, освященным законом, то этого будет мало, чтобы поднять на высоту свой век». Доказав в споре свою правоту, ван — как пишет Сыма Цянь — одел своих приближенных в хуские одежды... и осуществил свои планы.

Костюм всадников завоевывал все большие территории, проникая далеко на юг, в Индокитай, где в культуре государства Диен VI—II вв. до н. э. (на территории современных провинций Сычуань

и Юньнань) по материалам погребального инвентаря, выделен всаднический комплекс, включающий костюм, запечатленный в реалистичном бронзовом литье. Костюм всадника становился не столько культурным и этническим признаком, сколько знаком принадлежности к «людям на коне» — воинам и скотоводам. Подлинный пазырыкский костюм, помимо того общего, что он имеет со всеми костюмами евразийских всадников второй половины I тыс. до н. э., полчища которых можно увидеть на многочисленных изобразительных источниках древности, дает возможность разглядеть индивидуальные особенности и метки конкретной культуры.

Штаны пазырыкского воина, в которых он был похоронен, сшиты, вопреки ожиданиям, не из кожи, а из плотной шерстяной ткани саржевого переплетения. Сырьем послужила шерсть овец, в качестве примеси добавлена шерсть верблюда. Ткань окрашена куском в красный цвет красителем краппом, полученным из корней растения марены. Фасон штанов очень прост и распространен — две сшитые штанины, соединенные между собой квадратной вставкой. На них хорошо заметны следы носки — заплата и штопка. Штаны держались на поясе шерстяным плетеным шнуром. Зауженные к низу штанины заходили далеко за колена. Они заправлялись в высокие (выше колена) войлочные сапоги-чулки с раструбом и мягкой подошвой. На голое тело была надета короткая шуба из хорошо выделанной овчины мехом внутрь, без воротника. Особенностью шубы является «хвост» — фалда из овчины размером 57 x 49 см, пришитая сзади. Шуба отделана полосками резной кожи, собольим мехом, кисточками из окрашенного в красный цвет конского волоса, черным мехом жеребенка. Шуба не имела застежек, запаховалась

Войлочная шапка с деревянными украшениями. Курган 3 могильника Верх-Кальджин-2. Музей ИАЭТ СО РАН

▲ Прическа мужчины из погребения в кургане 3 могильника Верх-Кальджин-2. Музей ИАЭТ СО РАН

◀ Персидские воины на рельефах дворца в Персеполе (Иран)

▶ Мужская шуба (вид сзади). Курган 3 могильника Верх-Кальджин-2. Музей ИАЭТ СО РАН

и подпоясывалась кожаными ремнями, застегивающимися на деревянные пряжки. Ремней было два: стрелковый, на который подвешивался войлочный горит, и основной, — на котором носили чекан и кинжал. Эта иранская традиция хорошо представлена изображениями воинов на барельефах царского дворца в Персеполе (Иран).

Деревянная шейная гривна из погребения мужчины в кургане 3 могильника Верх-Кальджин-2. Музей ИАЭТ СО РАН

мелких вещей (тогда шуба могла носиться внакидку). Поскольку ничего напоминающего рукавицы в пазырыкских погребениях найдено не было, можно предположить, что длинные рукава, закрывавшие кисть, служили и «рукавицами». На погребенном мужчине шуба была обнаружена с вдетыми в рукава руками, но в теплый день или когда предстояло «жаркое» дело, сброшенная с плеч шуба держалась ремнем на поясе, обнажая татуированный торс и руки. Эта манера ношения верхней и, как правило, единственной одежды чрезвычайно характерна для азиатских скотоводов. Она была неоднократно

Войлочные сапоги-чулки с кожаной подошвой. Курган 3 могильника Верх-Кальджин-2

Изображение сакских воинов в островерхих войлочных шлемах: приношение даров, в том числе — и войлочных чулок. Персеполь (Иран)

отмечена у тибетцев, монголов, алтайцев этнографами и путешественниками XIX — начала XX в.

На голову мужчины был надет войлочный шлем с ушами-завязками, сшитый из двух одинаковых частей, с навершием в виде птичьей (более всего похожей на голубиную) головы, стоящим прямо, благодаря деревянной пластине, вставленной внутрь. Шлем украшен деревянными, покрытыми золотой фольгой фигурками фантастических зверей: оленей и лошадок с рогами козерогов. Пожалуй, впервые найдены реальные войлочные шлемы, о которых писал Геродот: «Саки ... носили на головах высокие островерхие тюрбаны, плотные, так что стояли прямо» (кн. VII, 64). Их изображения можно увидеть на каменных рельефах Персеполя (Иран) и в многочисленных изделиях торевтики скифского времени. Войлочные шлемы подобной формы имели распространение у многих племен и народов в разные времена и в разных частях Ойкумены. Особенность пазырыкских — их символика: фантастические образы животных, совмещающих функции и достоинства оленя, лошади и козерога.

У мужчины с плато Укок были светлые рыжеватые волосы, подстриженные спереди и лежащие на лбу в виде длинной челки, на макушке оставлен большой участок не остриженных волос, заплетенных в две косы, каждая из двух прядей, спускающихся ниже плеч.

Личным украшением (оберегом, знаком социального статуса) была обвивавшая шею гривна, сделанная из дерева, но оклеенная золотой фольгой. Окончания ее вырезаны в виде голов барсов — охранников и покровителей.

Плато Укок.
Вид на цепочку курганов
пазырыкской культуры

Женский костюм.
Все использованные для реконструкции вещи были обнаружены на теле мумии в кургане 1 могильника Ак-Алаха-3. Женщина изображена в наброшенной на плечи шубе из меха сурка, с отделкой из меха черного жеребенка (мех в погребении был обнаружен без мездры).

В результате физико-химического анализа тканей юбки выяснилось, что средняя полоса была не белого цвета (как казалось ранее), а окрашенной в красный цвет в слабом растворе тех же красителей, что шли и на другие полосы ткани в этом изделии. Все украшения и аксессуары воспроизведены по имеющимся оригиналам.

Реконструкция Д. Позднякова

ВСАДНИЦА — ХОЗЯЙКА ОЧАГА

Подлинный женский костюм оказался оригинальней любых предположений. По сути — это тоже костюм всадницы.

На женщине была надета длинная и широкая шерстяная юбка, сшитая из трех горизонтально сложенных полос ткани. Ее длина — 144 см, ширина сверху — 90 см, внизу — 112,5 см. Каждая из полос имела свой оттенок красного цвета: верхняя — алый, средняя казалась неокрашенной, нижняя была насыщенно бордовой. Окрашивание тканей производилось явно вручную. Поэтому точно повторить один и тот же тон было трудно. Однако в разнице цвета каждой из полос и заключалась красота юбки. Кроме того, цвета полос, также как и их количество, имели значение и смысл — указывали на статус женщины, принадлежность к определенной общности.

Юбка подпоясывалась плетеным из шерстяных нитей толстым шнуром с кистями, окрашенным так же, как и мужские штаны из кургана 3 могильника Верх-Кальджин-2, в мягкий оранжево-красный цвет краппом. С помощью этого пояса-шнура регулировалась длина юбки, которая могла фиксироваться как на талии, так и под грудью. Подчеркнем: плетёный пояс во многих культурах был важным символом (а не просто утилитарной вещью), не только оберегом, но и памятным знаком, помогающим хранить важную информацию. Как, например, забытая «система узелков» на шнуре (цзешэнь) у древних китайцев, владение которой было тайной «посвященных». Она представляла собой, по-видимому, мягкий пояс с двумя кистями из шести шнуров каждая, причем на каждом шнуре можно было завязать по пять узелков (Стратанович, 1965). Анало-

гичные узелки и кисточки на женском пазырыкском поясе, возможно, служили счетами или их перебирали как четки, чтобы вспомнить и не пропустить что-то важное.

Поверх теплых юбок надевались длинные (почти до колен) легкие рубахи, с длинными рукавами, округлым вырезом горловины и отделкой красным шнуром и тесьмой. Рубахи (в пазырыкских курганах их найдено три — две целые и одна во фрагментах) шились удивительно единообразно для времени, когда не существовало модных журналов, чтобы передать детали кроя и отделки, которые скрупулезно повторялись и в изделиях, обнаруженных довольно далеко от пазырыкских могил — в погребениях оазисов Синьцзяна. Известные пазырыкские женские рубахи сшиты из дикого шелка — чесучи либо из хлопка. Причем шелк этот — один из наиболее древних шелков не китайского производства (в Китае еще с III тыс. до н. э. получали шелк от одомашненного шелкопряда). И произведен этот дикий шелк был, скорее всего, либо в не китайских варварских государствах (юг современного Китая), либо на территории Ассамы (в современной Индии), являвшегося с древности в культурном отношении частью Юго-Восточной Азии. Хлопчатобумажные ткани, не отличающиеся в данном случае особой искусностью исполнения, которая была присуща индийским ткачам, прославившимся тонкими муслинами, тоже происходили, скорее всего, из выше-названных регионов. Именно здесь существуют две разновидности дубовых шелкопрядов, которые дают дикий шелк — *муссор*.

Верхней одеждой женщин были нарядные и легкие меховые шубы-кафтаны с узкими длинными рукавами, укороченные спереди и с длинной фалдой — «хвостом» сзади. Шубы сплошь украшались кожаными аппликациями и отделкой из окрашенного меха. Сами же орнаменты, покрывавшие одежду, включали изображения животных и имели как охранительные, так и опознавательные свойства. Пазырыкские женщины так же, как и мужчины, носили длинные (значительно выше колен) белые войлочные сапоги-чулки, украшенные по краю войлочной же аппликацией.

Полной неожиданностью стал женский парик, устройство которого удалось изучить в деталях. Парик надевался на обритую голову. Его основой являлась войлочная шапочка, к которой в два слоя были пришиты волосы. Между ними помещалась черного цвета пластичная масса, придававшая форму и объем всему сооружению.

В результате проведенных исследований получены данные о химической природе этого вещества-наполнителя и сделаны предположения о деталях технологии его изготовления. Пластичные компоненты основы представляют собой ацилглицериды (жиры) и продукты их распада — жирные кислоты и акролеин — ве-

Женский головной убор-парик:
 а — общий вид;
 б — схема устройства:
 1 — формообразующее вещество,
 2 — волосы,
 3 — войлок,
 4 — шерстяные веревочки;
 в — прорисовка парика

(б — реконструкция Е. Шумаковой;
 в — реконструкция Д. Позднякова).
 Курган 1, могильник Ак-Алаха-3.
 Музей ИАЭТ СО РАН

щество с характерным резким запахом. Отсутствие непредельных жирных кислот с сопряженными двойными связями или связями через метиленовую группу позволяет сделать вывод о том, что жир, использованный для изготовления головного убора, был животным, а не растительным. В состав формообразующей массы входят также неорганические компоненты типа глины. Пластичность жира и глины предопределили их использование в качестве связующего компонента формообразующей основы головного убора.

Достаточно правдоподобно также предположение, что сильно карбонизированный наполнитель основы убора был получен пиролизом грубо размолотых злаковых зерен в закрытом сосуде, на огне, при температуре 450–455 °С. Обугленная масса охлаждалась до температуры окружающей среды и использовалась по мере надобности. При изготовлении головного убора карбонизированный наполнитель смешивали с нагретым жиром, получая однородную вязкую массу. Этот материал наносили на поверхность войлочной шапочки, надетой, вероятно, на деревянную болванку, вырезанную по размерам головы, и формировали основу прически. Застывшую в заданной форме прическу поддерживали с помощью самих волос, которыми, как чехлом, была затянута формообразующая масса.

Как уже говорилось, один из главных компонентов формообразующего вещества парика — обугленные

частицы оболочки зерен злаковых растений. Их использование в создании женского головного убора далеко не случайно и глубоко символично. Ведь зерно и семя — самый общий и глубокий из всех растительных символов, воплощающих идею непрерывной жизни и плодородия. Их приносили в жертву богам, считали вместилищем духов, использовали как оберег. Возможно, сам процесс получения обугленной массы из зерен злаков в закрытом сосуде, на огне и означал, как это нередко бывало, способ принесения бескровной жертвы богам или духам-покровителям. Затем эта масса использовалась для создания одного из самых значимых элементов одежды — головного убора, в котором в наиболее концентрированном виде были выражены охранительные и опознавательные функции костюма. Содержимое сосуда, стоявшего на огне, — обугленные остатки зерен и сажа как одна из составных частей женского головного убора — может являться ярким проявлением почитания пазырыкцами и огня (очага), и, как во многих традиционных культурах, женщины — его хозяйки.

Прядь волос на темени заворачивалась в кусочек войлока и плотно обматывалась шерстяной веревочкой. Благодаря этим манипуляциям такая прядь стояла прямо, и на нее надевали плетенный из красных шерстяных ниток накосник. В вершину этого сооружения

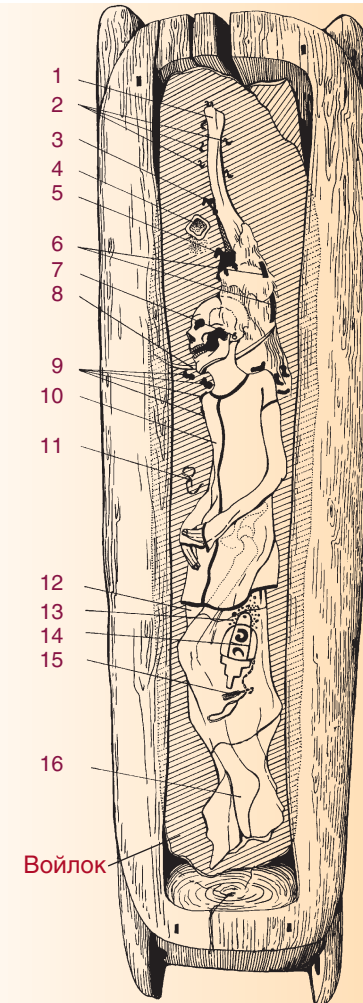
была воткнута бронзовая булавка, увенчанная изображением оленя, стоящего на шаре. Как и все пазырыкские деревянные фигурки, олень был покрыт золотой фольгой. На парик была прикреплена очень важная деталь — навершие в виде пера, высотой 68,5 см, сделанное из войлока, обтянутого черной шерстяной тканью и держащегося прямо благодаря вставленной внутрь палочке. На этом навершии были укреплены пятнадцать деревянных фигурок птиц, уменьшающихся в размерах как матрешки. У них были кожаные крылышки, хвосты и лапки, а длинные шеи, скорее всего, указывали на лебедей.

Это навершие с птицами может трактоваться как символ мирового дерева или его вариантов — дерева жизни, всеисцеляющего древа — одного из общих представлений, существующего во многих культурах, во всех частях света. У подножия мирового дерева, как и положено, исходя из мифологических воззрений, помещена деревянная фигурка травоядного копытного животного — все того же оленя с рогами козерога, чей образ присутствует и на мужских головных уборах. В каких-то случаях поверх причесок-париков с высокими навершиями и многочисленными деревянными (в золотой фольге) фигурками зверей и птиц пазырыкцами надевались войлочные колпаки, вероятно играющие роль чехлов. Личным украшением женщины были серьги, очень простые золотые колечки, гривна из дерева, с фигурками крылатых барсов, покрытыми золотой фольгой. У пояса висела войлочная сумочка с зеркалом — бронзовой пластиной, вставленной в деревянную оправу, украшенную резной фигурой оленя. В ней найдено также немного стеклянного бисера индийского производства, несколько пастовых бусин и рассыпавшийся синий порошок рядом с кисточкой из конского волоса, подвешенной на нитку цилиндрических каменных бус. Синий порошок был идентифицирован как минерал вивианит, использующийся и в настоящее время для изготовления дешевой синей краски. Пазырыкской женщиной синий порошок использовался, вероятно, как косметическое средство.

Колпак высотой 84 см был найден между стенкой колоды, в которой была похоронена женщина, и стенкой сруба, в котором стояла колода. Музей ИАЭТ СО РАН

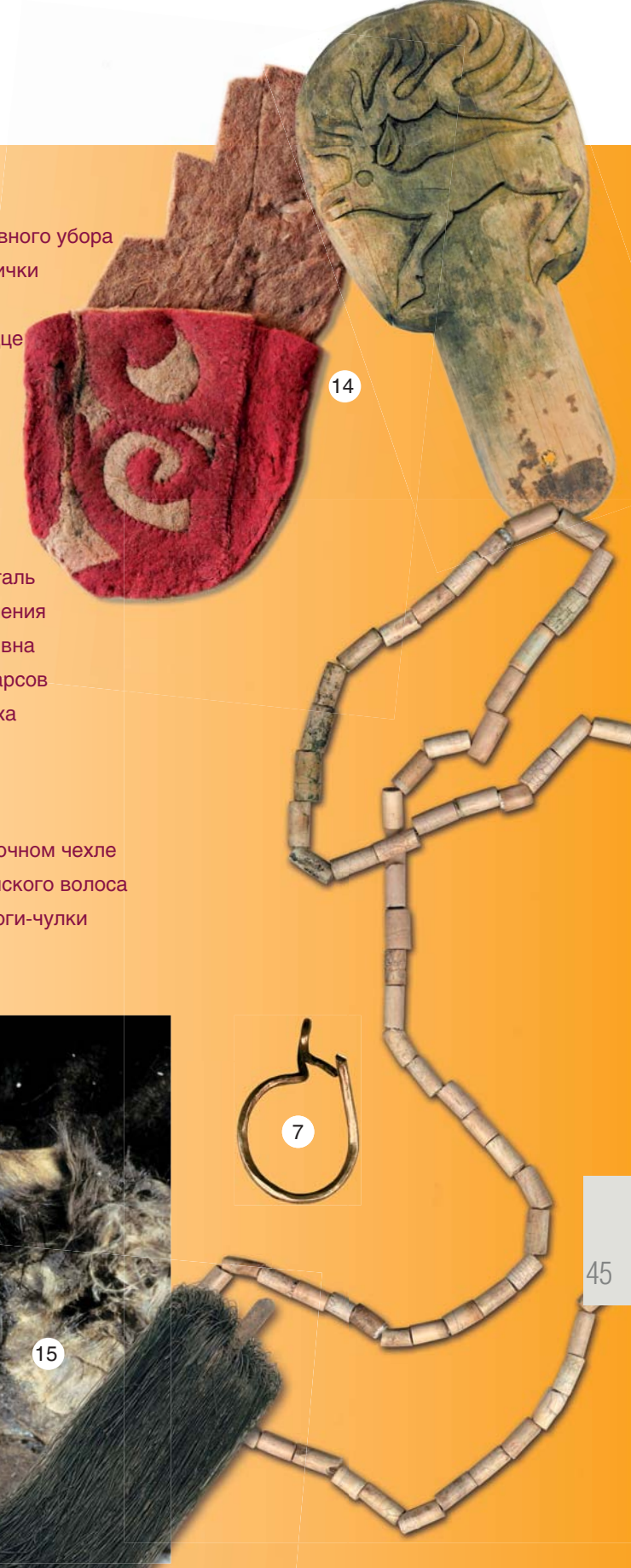
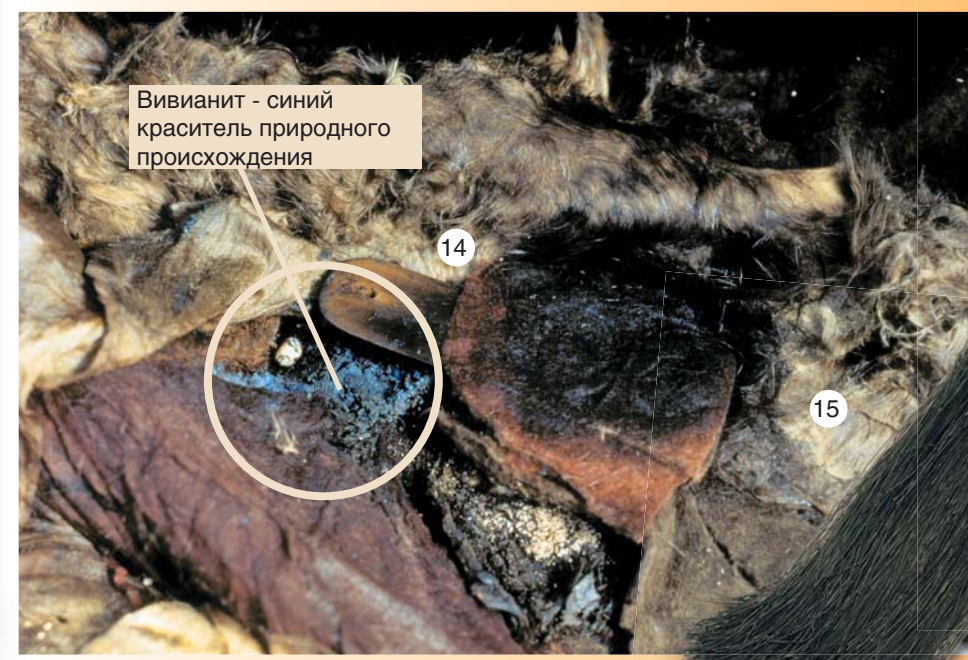
Сотрудниками Института катализа СО РАН под руководством д. х. н. В. В. Малахова был определен состав формообразующей массы парика, давший ценную информацию не только об его изготовлении, но и о некоторых мировоззренческих и мифологических представлениях, с ним связанных. Формообразующая масса парика неоднородна по составу и имеет резкий специфический запах. Основными ее компонентами служат угольно-черные чешуйки размером 0,2–2,0 мм — сильно карбонизированные фрагменты оболочки злаковых растений, мелкодисперсный черный материал, похожий на сажу, и серое, на изломе — изжелта-белое, пластичное вещество

План погребения:

- 1 — навершие головного убора
- 2 — деревянные птички
- 3 — шпилька
- 4 — каменное блюдо с кориандром
- 5 — деревянная фигурка оленя
- 6 — деревянные наконечники
- 7 — золотая серьга
- 8 — деревянная деталь шейного украшения
- 9 — деревянная гривна с фигурками барсов
- 10 — шелковая рубашка
- 11 — веревочка
- 12 — юбка
- 13 — бусины
- 14 — зеркало в войлочном чехле
- 15 — кисточка из конского волоса
- 16 — войлочные сапоги-чулки

Рис. Е. Шумаковой

МЕЖДУ СВЕТОМ И ТЬМОЙ

Есть немало сообщений о древних и средневековых народах, практикующих нанесение несмываемых узоров на тело. Но пазырыкцы, пожалуй, пока единственный древний народ, у которого можно увидеть татуировку воочию и убедиться в реальности этих сведений. Татуировка, нанесенная на тела мужчин и женщин, свидетельствует о высоком уровне ее исполнения: мумии, обнаруженные в «царских» курганах, покрыты рисунками с ног до головы. У мужчины в рядовом погребении в кургане 3 могильника Верх-Кальджин-2 рисунок был один, но ни качеством исполнения, ни мастерством компоновки, ни самым образом фантастического оленя-грифона-козерога эта татуировка не отличалась от «царских».

Если одежду называют второй кожей человека, то татуировка имеет непосредственное отношение к самой коже. Покрытая татуировками, та становится сакральной оболочкой человека, делает его защищенным, неуязвимым и значимым. У древних индоиранцев, к примеру, кожа отождествлялась с Бездной: через нее лежал путь в потусторонний мир, она — дверь между различными мирами, между известным и неизвестным, между видимым и невидимым, между светом и тьмой, жизнью и смертью (Маковский, 1996). Изображения на коже играли чрезвычайно значимую роль в жизни человека, в первую очередь выделяя его из мира животных, делая его членом определенного коллектива, да и вообще человеком, связанным

Татуировка на плече женщины, погребенной в кургане 1 могильника Ак-Алаха-3. Музей ИАЭТ СО РАН

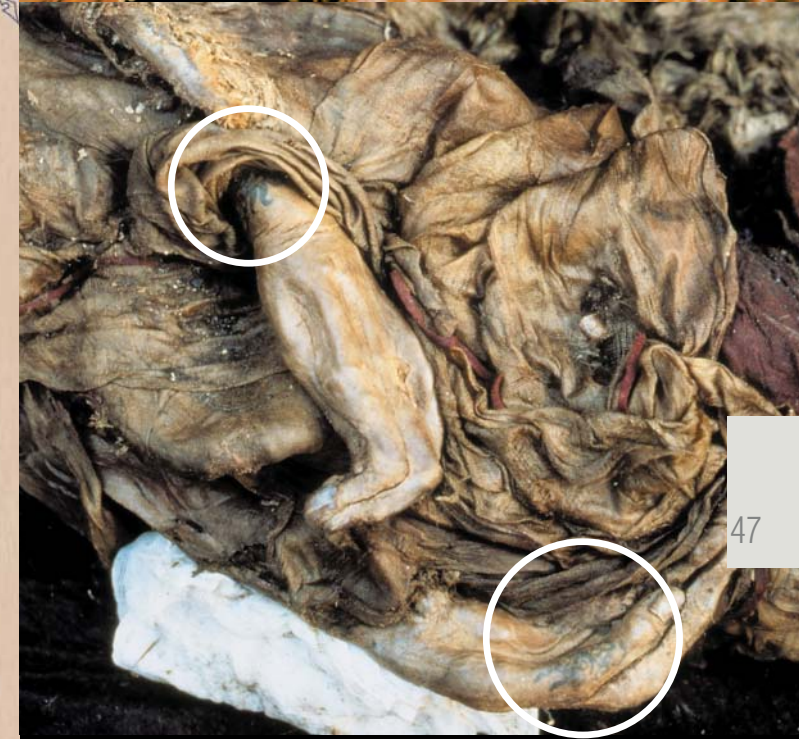
Женские татуировки. Курган 1 могильника Ак-Алаха-3. Прорисовка Е. Шумаковой

Татуировка на плече мужчины. Курган 3 могильника Верх-Кальджин-2

Татуировка мужчины. Второго Пазырыкского кургана

Фрагменты женской татуировки: а — запястья левой руки; б — большого пальца правой руки. Курган 1 могильника Ак-Алаха-3

через татуировку как с предками (которые узнают его в ином мире по этим знакам), так и с потомками. Что же доподлинно изображено на телах древних людей: космогонические мифы и персонажи мифологии, звери-защитники или знаки отличия и статуса — мы, вероятно, никогда не узнаем. Но виды животных, стиль рисунков позволят лучше понять, кто были эти люди, откуда пришли. На пазырыкской татуировке, помимо характерных для данной культуры образов фантастического грифона-оленья-козерога, кошачьих хищников с клювообразной пастью, можно увидеть реальных зверей, обитавших на Алтае (тигров, горных баранов, козерогов) и не известных здесь (куланов).

Еще среди изображений есть пятнистый хищник, который может быть как алтайским снежным барсом, так и не обитавшим здесь леопардом (последнее вполне допустимо, поскольку изделия из меха леопарда были найдены в первом и втором Пазырыкских курганах).

Таким образом, татуировка показывает, что люди, похороненные в «замерзших» могилах Алтая, были представителями крупной культурной общности, среда существования которой не ограничивалась Горным Алтаем.

Женский костюм из второго Пазырыкского кургана. В кургане, скорее всего, имелось два комплекта женской одежды: две юбки, две шубы, две рубахи, две пары войлочной и кожаной обуви. Эти вещи взаимозаменялись и могли носиться в любом сочетании. На реконструкции — один из вариантов. Реконструкция Д. Позднякова

ИСКУСНЫЕ ТКАЧИ И КОЛОРИСТЫ

В пазырыкской культуре Горного Алтая неожиданно большую роль играл текстиль. Из него главным образом был сшит пазырыкский костюм. (Хотя для людей, проживавших в высокогорных долинах, окруженных тайгой, тканая одежда не самая удобная: она недолговечна, легко рвется и протирается. Почти все вещи, найденные в погребениях, имеют следы интенсивной носки — штопку, заплатки.) Кроме того, войлок и ткань, шерстяные шнуры-кисти были основными в убранстве коней, погребальные камеры заполнены войлочными коврами с аппликациями.

Народы, в разное время жившие на Алтае, никогда не имели развитого текстильного производства, в малой степени приближающегося по качеству к пазырыкским изделиям, используя в быту главным образом привозные ткани. Так и пазырыкцы не занимались производством своего замечательного шерстяного текстиля на Алтае,

Работа по определению красящих веществ проводилась в рамках междисциплинарного проекта СО РАН в Новосибирском институте органической химии СО РАН. Использовались методы молекулярной спектроскопии и жидкостной хроматографии. Трехлетние исследования небольшого коллектива в составе Г. Балакиной, Е. Карповой, В. Васильева под руководством В. Маматюка дали неожиданные результаты: в окрашивании пазырыкского текстиля использованы лучшие для того времени красители растительного и животного происхождения, не имеющие никакого отношения к Алтаю и прилегающим территориям

Ворсовый ковер. Пятый Пазырыкский курган. Эрмитаж

он был привезен ими сюда вместе со многими другими вещами, характерными для культуры в целом. Мы не можем указать исходную точку, но в наших силах очертить регион, откуда могли появиться образцы прекрасной одежды, характерной для пазырыкцев, которых мы «застали» в Горном Алтае. И здесь большую роль в уточнении и сужении этой территории играет набор веществ, использованных для окрашивания пазырыкского текстиля. Наиболее распространено окрашивание текстиля сочетанием трех красящих веществ. А это свидетельство того, что, по-видимому, все использованные вещества существовали в районе, где и производилось столь сложное по составу окрашивание. Этим районом может быть Восточное Средиземноморье, которое является единственным местом обитания маленького насекомого — червеца *K. vermilio* Planchon (источника кермесовой кислоты, одного из важных красителей пазырыкского текстиля), и прилегающая с востока террито-

Предпочтение, которое отдавалось красной гамме (куда можно включить и пурпур, и его имитацию) в одежде и убранстве коней, и послужило причиной, что в этой части спектра различалось много цветов и оттенков. Именно поэтому мы видим столь неэкономное с современной точки зрения использование дорогих красящих веществ. В пазырыкской коллекции представлены главным образом ткани, окрашенные куском. Цвет придавался именно готовым тканям, а не нитям, пряже или сырью, что было необходимо при гобеленовом ткачестве. Костюм создавался уже в определенной, специально выбранной цветовой гамме. Откуда пришла вся эта красота, кажется, уже понятно — это т. н. библейские страны Восточного Средиземноморья (как бы далеко и странно это ни казалось). Места, где зародилось красивое ремесло и где оно процветало, откуда с глубокой древности расходились по всей ойкумене окрашенные в яркие цвета шерсть, пряжа, ткани, одежда. К первым векам нашей эры по всему Средиземноморью и Египту люди всех социальных слоев, включая рабов, носили одежду из ткани

рия Армянского нагорья — место обитания другого насекомого рода *Porphyrhophora*, араратского карминоносного червеца (источника карминовой кислоты) *P. hamelii* Brandt (Яценко, Амбарцумян, 1999). Третий краситель растительного происхождения — крапш (источник ализарина и пурпурина), его получали из марены. Использовались два вида марены — *Rubia tinctoria* L., ареал произрастания которой Иран и Средиземноморские страны, и *Rubia cordifolia* L. распространенная в Китае и Индии. Пазырыкский текстиль окрашен красителем, полученным из *Rubia tinctoria* L.

Сочетание этих красящих веществ на археологических образцах свидетельствует не только о высокой культуре крашения, но и о развитом цветовосприятии красильщиков, специально добывавшихся разнообразных оттенков красного, умевших имитировать популярный и знаменитый пурпур с помощью наложения двух красителей (красного и синего). Уже с глубокой древности, задолго до появления пазырыкцев, шерсть (сырье) собирали в одном месте, а пряжу, ткань и их окрашивание производили в других местах, часто очень отдаленных от источников сырья. Так, например, во II тыс. до н. э. из Месопотамии ашшурские купцы везли главным образом ткани (они являлись в то время основным грузом караванов), изготовленные из привозной (собранной в Малой Азии) шерсти как в самом Ашшуре, так и в Южном Двуречье и других областях. Перевозили рулоны ткани и одежды ценой от 8 г до 6 кг серебра за штуку (Дьяконов, Янковская, Ардзинба, 1988). Ткани окрашивали

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КАЧЕСТВЕННОГО СОСТАВА КРАСЯЩИХ ВЕЩЕСТВ НА ТЕКСТИЛЕ ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПРОВОДИЛОСЬ ДВУМЯ МЕТОДАМИ — МЕТОДОМ ВЫСОКОЭФФЕКТИВНОЙ ЖИДКОСТНОЙ ХРОМАТОГРАФИИ (ЖИДКОСТНЫЙ ХРОМАТОГРАФ С ДИОДНО-МАТРИЧНЫМ И МАСС-СЕЛЕКТИВНЫМ ДЕТЕКТОРАМИ «AGILENT 1100 SERIES LC/MSD») И МЕТОДОМ МОЛЕКУЛЯРНОЙ СПЕКТРОСКОПИИ (СПЕКТРОМЕТР HP 8453).

К.х.н. В.И. МАМАТЮК, к.х.н. Г.Г. БАЛАКИНА, к.х.н. В.Г. ВАСИЛЬЕВ, к.х.н. Е.В. КАРПОВА,
ЛАБОРАТОРИЯ ФИЗИЧЕСКИХ МЕТОДОВ ИССЛЕДОВАНИЯ (ЛФМИ)
ИНСТИТУТА ОРГАНИЧЕСКОЙ ХИМИИ СО РАН (НОВОСИБИРСК)

Наиболее трудной задачей при анализе красящих веществ на текстиле является перевод красящего вещества с ткани в раствор, тем более что количество анализируемого образца не превышает нескольких миллиграммов. Необходимо также использование стандартов (индивидуальных красителей и т. д.). Для проведения хроматографического анализа образец древнего текстиля обрабатывался метанольным раствором соляной кислоты при кипячении. Такая «жесткая» процедура позволяет перевести в раствор красители путем разрушения комплексов *краситель — катион протравы — волокно*. Хроматографирование полученного раствора (после отделения остаточных волокон шерсти) позволяет определить качественный и количественный состав красителей в образце текстиля.

Методом молекулярной спектроскопии изучались растворы, полученные путем обработки текстиля водным раствором сульфата алюминия, который обладает удивительной способностью снимать с ткани красящие вещества. Вторые производные электронных спектров поглощения таких растворов несут информацию о составе протравных красящих веществ.

Методы подтверждают и дополняют друг друга, что позволяет получить более достоверную и качественную информацию.

а

б

в

а — фрагмент войлочного ковра (пятый Пазырыкский курган);
б — аппликация на войлочном покрытии седла (второй Пазырыкский курган);
в — фрагмент шерстяной юбки (второй Пазырыкский курган).
Эрмитаж.
Раскопки С. Руденко

Выкраски червецами *Kermes vermilio* Planchon (НИОХ)

Выкраски червецами *Dactylopius coccus* Costa (НИОХ)

Червецы *Dactylopius coccus* Costa (мексиканская кошениль)

Выкраски мареновыми красителями (НИОХ)

Женщины ицзу, этнического меньшинства провинции Юньнань (Китай)

Современная иранская кочевница (Фарс). По «Nomads of Iran», 2001

в Финикии пурпуром, который добывался из моллюсков Средиземноморского побережья, или растительными и минеральными красителями Армянского нагорья. Три используемых в пазырыкском текстиле красящих вещества окрашивали в красный цвет. Любого из них достаточно, чтобы придать ткани или войлоку оттенок в красной гамме. Но постоянно встречающееся сочетание всех трех красителей в разных пропорциях наводит на мысль, что красильщики добывались совершенно определенных оттенков цвета (цветов), разница между которыми была для них (в отличие от нас) очевидна и значима. Вот, например, что пишет Ксенофонт о персидском царе Кире: «После того как он раздал самым знатным самые красивые наряды, он велел принести множество другого мидийского платья, заготовленного им в большом количестве, не жалея ни пурпурных плащей, ни темно-красных, ни багряных, ни алых» (Киропедия, VIII, III, 3). На самом Кире был надет пурпурный хитон с белой полосой посередине, анаксириды (длинные узкие штаны) красного цвета и пурпурный кандис (Киропедия, VIII, III, 13). Судя по этому описанию, помимо пурпура персы выделяли по крайней мере четыре оттенка красного. Уже само перечисление свидетельствует о тонкой нюансировке красной цветовой гаммы у персов, уходящей, вероятно, корнями в индоиранское прошлое. Исследование цветовой кода «Ригведы» показало, что «боги ариев, как правило, описываются различными тонами, принадлежащими к светлой, яркой части спектра. Цветовые эпитеты солярных богов Сурьи, Савитара, Ушас, Агни свидетельствуют об очень тонком различении оттенков красного, пурпурного, желто-красного, золотистого, розового цветов» (Елизаренкова, 1999, с. 484).

И ТУНИКА ТУТАНХАМОНА...

Если рассматривать более древние, нежели пазырыкские, памятники, то фасон одежды также уводит исследователей в страны Восточного Средиземноморья — оно издавна играло связующую роль между Египтом, Малой Азией и Месопотамией, а также странами Эгейского моря. Длинные рубахи с округлым вырезом вокруг шеи, длинными рукавами и отделкой по швам бытовали, судя по изображениям в египетских гробницах, с глубокой древности в разных вариантах у жителей Сирии (Богословская, 1995). Среди реальных вещей можно увидеть аналогии и в сохранившихся туниках Тутанхамона, оказавшихся неожиданно широкими по сравнению с изображениями. Близки к пазырыкским и более поздние фрагменты парфянских рубах, обнаруженные в Пальмире (Сирия). Собственно персидский костюм состоит из тех же длинных красных штанов (анаксиридов), рубах и кафтанов (кандисов),

Сириец. XV в. до н. э. (Фивы)

Князь Кадеша. XV в. до н. э. (Фивы)

которые мы находим на пазырыкских всадниках. Ну а наиболее соответствуют реальным пазырыкским костюмам изображения на рельефах в Персеполе костюмов саков, дополненных островерхими высокими головными уборами.

Значительно меньше древних аналогов у женского костюма. Длинные широкие юбки, иногда из множества горизонтальных оборок, судя по статуэткам, найденным во дворце в Кноссе, носили критские женщины (первой половины II тыс. до н. э.), в них изображались и богини (глиняные статуэтки) из микенских святилищ (Сидорова, 1972). Считается, что уже в Шумере носили юбки, сшитые из нескольких горизонтальных полотнищ ткани, причем верхнее заворачивалось в жгут, служивший поясом (Емельянов, 2001).

В Иране и Афганистане женщины многочисленных кочевых скотоводческих племен, до сих пор ведущих традиционный образ жизни, по-прежнему носят широкие длинные юбки, удобные для верховой езды.

Но наибольшее сходство, доходящее до тождества, существует между женским пазырыкским костюмом

Ализарин (32%)
Пурпурин (22%)
Карминовая к-та (20%)
Кермесовая к-та (26%)

Ализарин (10%)
Пурпурин (25%)
Карминовая к-та (28%)
Кермесовая к-та (37%)

Ализарин (16%)
Пурпурин (9%)
Карминовая к-та (26%)
Кермесовая к-та (49%)

и столь же реальным костюмом женщин из ряда оазисов Синьцзяна — синхронных либо более молодых, чем пазырыкские памятники (Субаши, Кэрия, Шампула и др.).

Дальнейшая судьба костюма пазырыкцев (который трудно по тканым вещам отделить от костюма жителей синьцзянских оазисов) связана уже с совсем другим миром и регионом Юго-Восточной Азии. Здесь, в костюме одного из народов, относящихся к национальным меньшинствам современного Южного Китая — *ицзу* (или *и*), история которых прослежена с глубокой древности, можно увидеть широкие и длинные шерстяные юбки, чрезвычайно близкие к пазырыкским (Итц, 1965). Много веков проживая в вынужденной изоляции в горах Ляньшаня (современные провинции Сычуань, Юньнань), они сохранили древнюю культуру и обычаи предков, среди которых уже упомянутые нами всадники культуры Диена. Ицзу относятся к тибето-бирманской группе китайско-тибетской языковой семьи. В китайских текстах сохранились сведения о том, что во второй половине I тыс. до н. э. предки тибетских народов — цяньские племена — передвигались на юг по так называемому Западнему меридиональному пути, связывавшему Южную Сибирь, Центральную Азию и северо-западные районы Китая с Юго-Западным Китаем, Вьетнамом и Бирмой. Древние китайцы называли этот путь «дорогой цянов». В IV—III вв. до н. э. по нему же двигались на юг, теснимые хунну, «малые юэджи», в то время как их большая часть (т. н. большие юэджи) переселилась в Бактрию (Лубо-Лесниченко, 1994). С этим потоком, наряду с другими центральноазиатскими скотоводами, заселявшими оазисы Такламакана (Синьцзян), и попала на юг, где сохранилась до настоящего времени в некоторых из своих проявлений (костюме), культура пазырыкцев.

Статуя богини или жрицы из микенского святилища в Агиа Ирини. XIII в. до н. э.

Статуэтка молящейся из Пискокефалона. Ок. XVIII в. до н. э.

Литература

Богословская И. В. *Одежда народов библейских стран*. СПб.: МАЭ, 1995.
Дьяконов И. М., Янковская Н. Б., Ардзинба В. Г. *Северная периферия Нижнемесопотамской цивилизации IV—II тысячелетий до н. э.* // *История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Часть вторая*. М.: Восточная литература, 1988, с. 21—117.
Емельянов В. В. *Древний Шумер. Очерки культуры*. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001.
Лубо-Лесниченко Е. И. *Китай на Шелковом пути*. М.: Восточная литература, 1994.
Полосьмак Н. В., Трунова В. А. *Волосы из пазырыкских могил (рентгенофлуоресцентный анализ с использованием синхротронного излучения)* // *Археология, этнография и антропология Евразии*. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004, №1, с. 73—78.
Руденко С. И. *Культура населения Горного Алтая в скифское время*. М.—Л., 1954.
Стратанович Г. Г. *Развитие китайской письменности* // *Народы Восточной Азии*. М.—Л.: Наука, 1965, с. 346—349.
Яценко С. А. *Костюм племен пазырыкской культуры Горного Алтая как исторический источник* // *Вестник Древней истории*. М.: Наука, 1999, №3, с. 145—169.

Схема связей Китая и Центральной Азии во второй половине I тыс. до н. э. по меридиональному и кыргызскому пути (по Лубо-Лесниченко, 1994)

Культура государства Диен